

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.121.4.004

УДК 32.001.2:327.1(470)

Д.А. РАЗИНКОВ

аспирант кафедры Философии политики и права
Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИТИКИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Концепция политической культуры сформировалась в послевоенной американской политической науке и стала важнейшей составляющей сравнительной политологии. Концепция стала популярной не только как теоретическая рамка для множества научных исследовательских проектов, но и как объяснительная модель для построения той или иной аргументации в экспертной и обывательской среде. При этом, критика концепции политической культуры стала отдельным жанром в сравнительной политологии – ее применение сравнивают с «прибиванием желе к стене», критикуют использование культурной категории для эмпирического измерения набора ориентаций, обвиняют в оправдании американской гегемонии. В статье будет предпринята попытка выделения и систематизации основных критических замечаний.

Ключевые слова: история политологии, американская политология, культурология, холодная война, бихевиоральный подход, позитивизм, структурный функционализм/политическая культура/критика политической культуры.

Введение. Основная цель статьи – определение и описание основных направлений критики концепции политической культуры Алмонда и Вербы, которая наиболее полно раскрыта и описана в их совместном сравнительном исследовании «Гражданская культура» [1] 1964 года. Центральной задачей является анализ академической литературы и систематизация существующей критики концепции. При этом, полноценное раскрытие темы предполагает решение таких задач, как описание контекста возникновения концепции, а также описание ее основных положений.

Материалы и методы исследования. Итак, классическое определение политической культуры звучит как «специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам [...] предстает в виде частоты различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций по отношению к политической системе в целом, к ее аспектам на «входе» и «выходе», а также к себе как политическому актору» [1]. Политическую систему авторы рассматривают [1] как взаимосвязь объектов 3-х классов – структуры

и институты политической системы, конкретные исполнители и, собственно, их действия. Модель отношения политической культуры и политической системы по Алмонду и Вербе схематично представлена на рисунке 1.

Исходя из распределения ориентаций, Алмонд и Верба выделяют [1] 3 идеальных типа политической культуры – парохильную, подданическую и участническую. Отмечая, что в политической реальности не предполагается наличие гомогенных политических культур и политическая культура стран имеет смешанный характер, авторы описывают один из смешанных типов, который характерен для демократических стран. Название такой политической культуры, собственно, Алмонд и Верба вынесли в название своей работы и определили следующим образом: «Гражданская культура – это культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы на политический «вход» – они также позитивно ориентированы по отношению к структурам на «входе» и к процессу на «входе». Другими словами, если воспользоваться введенными ранее терминами, то гражданская культура – это участническая политическая культура, в которой политическая культура и политическая структура гармонизированы между собой. Что еще важнее, в гражданской культуре участнические политические ориентации сочетаются с подданическими и парохильными ориентациями, никак не заменяя их. Индивиды становятся участниками политического процесса, но не отказываются от своих ориентаций в качестве подданных или же парохильных» [1].

Далее авторы подходят с вышеописанной теоретической рамкой большому сравнительному эмпирическому исследованию в 5 странах – США, Италии, Великобритании, Мексики и Германии. Так, политическую культуру страны авторы понимают как «распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны» [1]. Сравнительное исследование «национальных ориентаций» авторы провели на основании данных проведенного в этих странах опроса [1].

Вышепредставленное описание концепции носит обзорный и вводный характер – более подробные характеристики будут вводиться при необходимости для понимания контекста критических замечаний далее. После описания теории кратко опишем и контекст ее возникновения и введения в «политологический словарь». Сами авторы пишут, что категория культуры для описания феномена было включено с целью обогащения и применения концептуальных рамок антропологии, социологии и психологии. Так, антропологическое понимание [6] культуры как системы верований, норм и привычек того или иного общества сформировалось под влиянием немецких идеалистов и, в частности, Гердера [6], который впервые и употребляет словосочетание «политическая культура». В социологии культурную теорию развивают Вебер и Зиммель, а структурно-функциональная концепция культуры Парсонса [7] становится моделью уже для Алмонда и Вербы, о чем они также пишут в своей работе [1].

Кроме междисциплинарного влияния отметим и политико-идеологический контекст, который связан с послевоенными условиями противостояния

советской и американской систем общественно-политического развития во время Холодной войны и запроса на появление объяснительной модели отличий одних обществ от других на основе данных эмпирического анализа. Собственно, авторы концепции практически прямо пишут об этом в первой части работы: «Взрывы национальных чувств» в Азии и Африке и почти повсеместное давление со стороны ранее зависимых и изолированных народов, добивающихся, чтобы их допустили в современный мир, вписывают эту довольно специфическую политическую проблему в более широкий контекст будущего облика мировой культуры. То медленное, на ощупь продвижение к просвещению и господству над природой, импульс к которому возник на Западе три или четыре столетия назад, стало общемировым процессом...» [1].

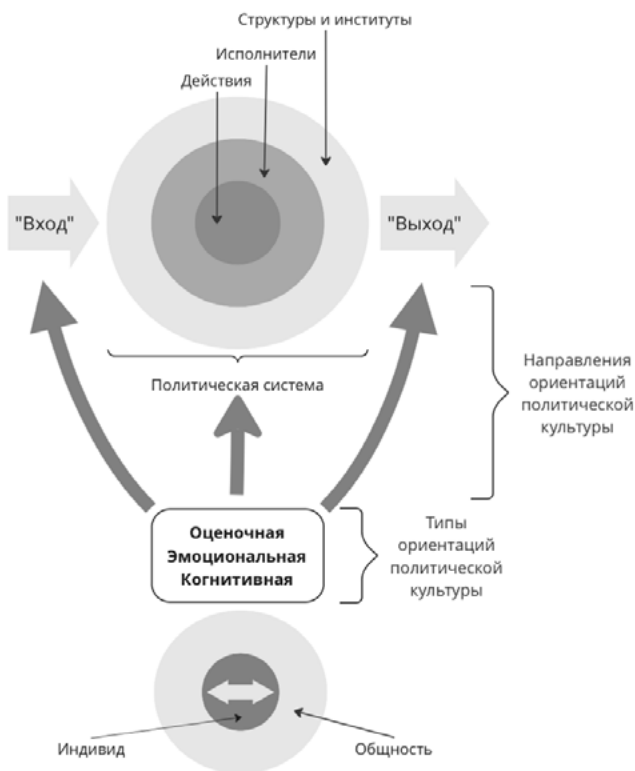

Рисунок 1. Отношение политической культуры и политической системы

Итак, перейдем к критике концепции политической культуры. После анализа литературы и выделения критических замечаний, наиболее продуктивным способ группировки было выбрано распределение на следующие направления: теоретическое – касается критики концептуальных основ теории и ее

внутренней логики; методологическое – недостатки метода исследования политической культуры; нормативное, где в центре внимания находится ценностные предпосылки и идеологические установки концепции; эмпирическое – касается несоответствия теории реальности и отсутствия объяснительной силы концепции. Сразу стоит отметить, что не все уязвимые места концепции можно четко типологизировать – методологическая критика тесно связана и является следствием теоретических недостатков и так далее. Рассмотрим подробнее каждое из вышеперечисленных направлений.

Результаты и обсуждение. Теоретическое направления критики концепции касается таких аспектов как размытость и неопределенность понятия, проблема онтологии культуры в изложении Алмонда и Вербы, психологический редукционизм, а также недостаточная проработка фактора политической системы. Широта термина «политическая культура» – один из его главных недостатков, который был упомянут в аннотации к статье. Люсьен Пай в своей статье [16. Р. 285-296] пишет о вульгаризации понятия, сравнивая его с «ушедшими в народ» терминами «отчуждение» или «идентичность». О вышеупомянутом желе писал политический исследователь Роберт Далтон: «Измерение политической культуры стали сравнивать с приколачиванием желе к стене, имея в виду, что данному понятию не хватает точности, и оно является скорее субъективной, стереотипизированной характеристикой нации...» [4. С. 322]. Так, интенция введения «культурной линии» в анализ политической реальности со стороны Алмонда и Вербы критикуется в подобном формате за неточность и всеобъемность – эта широта приводит не только к проблемам операционализации, но и к вульгаризированному употреблению. Подобную критику отмечали и другие авторы, такие как Д. Силби [11. С. 111-146] или С. Паттерсон [16].

Психологический редукционизм – еще один элемент теоретической критики, на которую указывает ряд исследователей [2. С. 102-128; 8. С. 36; 11; 13. Р. 557; 18. Р. 1033-1053]. Суть критики заключается в сведении сложного понятия культуры к эмпирически измеряемому человеческому поведению, культура выражается в установках и ориентациях – чисто внутренним аспектам человеческой психики. В этих условиях, как отмечает А.А. Борисенков [2], на индивидуальных психических процессах не может быть основан анализ власти и институтов, чем занимается политическая наука. Психологизм теории в свою очередь, приводит к недостаточному раскрытию такого ее элемента как политическая система. Так, на размытость определения политической системы указывает [18] Джованни Сартори, критикуя структурно-функциональный подход. Коллер и Левицкий в своей статье 1997 года задаются вопросом [12. Р. 430-451] – политическая система у Алмонда и Вербы – это синоним политического режима или ближе к марксистской надстройке.

Говоря о взаимосвязи политической культуры и политической системы, в работе Алмонда и Вербы, нельзя не указать на проблему каузальности – у авторов нет достаточной проработанности вопроса [11] о том, является ли политическая культура следствием или причиной институциональных политических

процессов и в какой степени она ими является. При этом Стивен Уэлч в своей работе пишет [20], что существует фундаментальная связность культуры и структуру, что затрудняет решение вопроса казуальности.

Следующее направление критики концепции политической культуры – методологическое. Насколько адекватны, надежны и валидны методы сбора эмпирических данных для исследования такого сложного явления как политическая культура? Позитивистско-бихевиоральная амбиция концепции политической культуры, которая вообще свойственна для политической науки 1960-х годов [10], отразилась и в методологии – Алмонд и Верба, операционализировали понятие политической культуры как эмпирически фиксируемые «установки», результатом чего, собственно, стало сравнительное исследование в 5 странах. Стивен Уэлч пишет, что позитивистская методология, для которой требовалось сведения понятия к эмпирически измеримым величинам, привела к теоретической маргинализации концепции – этому посвящена часть работы, которая так и называется – «Теоретическая маргинализация: позитивистский мейнстрим исследования политической культуры» [20].

Действительно, а что мы узнаем о политической реальности, когда проводим опрос об индивидуальных установках к тем или иным объектам политической системы? Можем ли мы поставить знак равенства между политической культурой и внутренними психологическими феноменами, представление о которых были получены путем количественного анализа? Похожие вопросы поднимает д.филос.н. А.А. Борисенков в своей статье о политической культуре: «Почему представление о политике есть явление её культуры, а не культуры политического сознания? Как следствие: правильно ли отождествлять политическую культуру и культуру политического сознания? Почему политика как общественное явление существует вне сознания, а принадлежащая ей по своей природе культура оказывается явлением сознания?» [2]. Далее автор остроумно замечает, что если субъективные представления о политике есть часть политической культуры, а не познавательной, то являются ли в таком случае представления об экономике частью экономической культуры? Этот аргумент о соотношении данных о субъективных психологических «установках» и политической культуры был отнесен к методологическому направлению критики, так как напрямую связан со способом получения эмпирических данных, хотя не отделим и является следствием теоретической уязвимости концепции.

Люсьен Пай также критикует количественный метод изучения политической культуры и прямо называет его «научной видимостью», так как он реально «не позволит установить связь между достаточно сложными мыслями и действиями индивидов и коллективной политией» [11]. Роналд Формизано в своей статье «Понятие политической культуры» описывает разочарование научного сообщества в использовании количественной методологии к исследованию субъективных установок [11]. Стоит заметить, что это разочарование в целом связано с бихевиоральным упадком в политической науке того периода.

Наконец отметим сравнительный характер измерения политической культуры, что замечает тот же Формизано: «Логика политической культуры всегда компаративна независимо от того, что берется в качестве единицы измерения» [11]. То есть отдельно проведенное исследование политической культуры в духе Алмонда и Вербы без сравнительного анализа с аналогичными объектами не релевантно, не имеет какой-либо объяснительной силы. Более того, очевидна уязвимость и компаративистского подхода – при исследовании политической культуры, например, разных стран, прямое сравнение национальных данных затруднительно, так как политические установки в любом случае складываются из реакции на конкретные политические события, которые в каждой стране свои.

Следующее значимое направление критики – нормативное. Эта критика напрямую связана с контекстом появления концепции, которая была кратко упомянута в начале статьи – подробнее опишем этот контекст. Итак, после Второй Мировой Войны США и СССР становятся ведущими общественно-политическими системами и становятся моделями для ряда новых независимых государств, появившихся после деколониальной послевоенной волны. Прямая конкуренция сверхдержав в политической, военной, идеологической, экономической и т.д. сферах, строительство и противостояние военно-политических блоков буквально приводит к конкуренции за молодые государства.

Выше уже была приведена прямая цитата из работы Алмонда и Вербы, где авторы прямо дают нормативную оценку общественно-политическому выбору вектора развития новых государств [1]. Глен Гендзел в статье [14. Р. 225-250] 1997 года связывает популярность и широкое принятие теоретической Алмонда и Вербы с тем, что она отвечала запросу на распространение американской политической модели и снижения популярности социализма – именно так Гендзел видит влияние сравнительной политологии в условиях Холодной войны. Российский исследователь А.В. Дука также отмечает это разделение «мы-они» и апологетический характер концепции: «реально происходит сравнение всех типов политической культуры с культурой гражданственности, характерной для Англии и США. Наиболее развитые формы демократии обнаруживаются в англо-американском мире. Работает схема «мы-они», которой, скорее, больше присущ апологетический, а не аналитический характер» [5. С. 7-30].

Тут стоит упомянуть, что похожая критика направлялась и в сторону структурно-функциональной теории Толкотта Парсонса. Так, популярность концепции в научном сообществе Джордж Хуак напрямую связывает с глобальной доминирующей позицией Соединенных Штатов. В своей работе автор приводит [9] следующие аргументы: первый – идея о том, что каждый компонент системы оказывает влияние, способствуя сохранению и жизнеспособности более крупного целого, по сути служит оправданием американской мировой гегемонии. Второй – концепция, где поддержание равновесия и отсутствие изменений в системе благоприятны для её стабильности, также направлена на поддержание существующего порядка, который устраивает сильных игроков.

В этой критике содержится не просто мотив идеологического запроса на оправдание или описание той или иной актуальной повестки – этом мотиву не хватает сложности понимания. И структурный функционализм и концепция политической культуры, являясь системными теориями, обладают таким «консервативным» недостатком как преуменьшение роли конфликтов и интенция к системному «поддержанию образца». Так, политический исследователь Лоуэлл Дитмер в 1977 пишет, что концепция сосредоточена на «стабильности систем, как будто отсутствие изменений требовало объяснения [...] политическая культура глубоко консервативна в своих политических предпосылках – такой вывод фактически изначально вытекает из ее двусмысленной концептуализации» [11].

Последнее направление критики концепции, которую рассмотрим в статье и которая является следствием всех вышеобозначенных направлений – эмпирическое. Эмпирическая критика касается разрыва между реальностью и концепцией, проблемы отсутствия объяснительной силы. Н.Н. Петро рассматривает, как западная советология, используя концептуальные рамки Алмонда и Вербы для описания советской политической реальности. Так, устойчивость социалистических режимов объясняли специфической «авторитарной и коллективистской» политической культуры. При этом, исследования политической культуры Советского Союза не смогли предсказать перестройку: «Конечно, существуют многочисленные исследования, объясняющие политику Горбачева спецификой его личности, образования, воспитания и т.д., но все они не отвечают принципиально на вопрос, как человек, подобный Горбачеву, может прийти к власти в такой «авторитарной» по своей политической культуре стране» [8]. Еще один «промах» связан с развалом СССР, где политическая культура также не имела предсказательной и объяснительной силы.

Петро также указывает на слишком большие обобщения: «Господствующее направление в изучении политической культуры, однако, не признавало сосуществования внутри одной нации двух альтернативных культур. Поэтому советологи, сторонники этого направления, не допускали наличия альтернативной политической культуры в России и других коммунистических странах» [8]. Критик политико-культурного подхода Уильям Рейзингер также отмечает низкую объяснительную силу концепции и прямо пишет, что перед подходом стоит ряд вызовов, а именно: «...определить сам термин; выделить субкультуры из общей политической культуры общества... теоретически обосновать, как политическая культура взаимодействует с институтами и другими атрибутами политики, чтобы достичь политических результатов и решить проблемы, имеющие отношение к ориентациям индивидуального уровня, их измерению и связям с коллективностью» [17. Р. 347]. Так, теоретико-методологическая критика отражается на объяснительной силе концепции, когда невозможно охарактеризовать политическую культуру как зависимую или независимую переменную.

Выводы. Таким образом, концепция кельтической культуры, сформированная под междисциплинарным влиянием таких областей знания как антропология, социология и психология, а также в политико-идеологическом контексте

Холодной войны, стала одной из популярных и принятых инструментов описания политической реальности, которая выражалась в ориентациях относительно различных элементов политической системы. Концепция стала отправной точкой для релевантных сравнительных политических исследований и получила популярность и широкое применение, что в том числе сделало ее одной из самых критикуемых концепций в сравнительной политологии. В рамках данной статьи был предложен подход к систематизации имеющейся критики.

Среди теоретической критики, наиболее уязвимыми местами является широта и неопределенность понятия, что приводит к его использованию по остаточному принципу и вулгаризации. С другой стороны, существует онтологическая культурная уязвимость, когда культура в рамках концепции в итоге сводится к индивидуальным установкам. Кроме того, психологический редукционизм понятия, свойственный для бихевиорального периода, стал вызывать вопросы уже к концу 1960-х годов. Также в теоретическом направлении был включен такой недостаток как недостаточная концептуализация политической системы, вследствие чего не до конца понятен остается характер связи политической культуры и политической системы, что в свою очередь приводит к ряду других уязвимостей.

Второе направление критики – методологическое, является следствием прежде всего позитивистско-бихевиоральной ориентации концепции Алмонда и Вербы. Количественные методы не позволяют охватить сложность политического сознания, сравнительный характер концепции сталкивается с трудностями: политические установки граждан формируются под влиянием уникальных исторических и событийных факторов в каждой отдельной стране, а редукция такого сложного понятия как культура до эмпирически измеряемых параметров приводит к его отрыву от теоретической глубины.

Нормативная критика касается прежде всего идеологической окраски концепции, что не является уникальным случаем для науки и частично связанного с этим консервативного характера концепции – как и структурный функционализм, политико-культурный подход скорее минимизирует роль конфликтов и общественных изменений. Наконец, было выделено и такое направление критики как эмпирическое, так как критика низкой объяснительной силы концепции занимает значительное место в литературе. Так, на примере советологии был показан отрыв концепции от реальной политической динамики. Сюда же входит и такой разрыв с эмпирической реальностью, когда концепция скорее игнорирует альтернативные культурные модели, ориентируясь на обобщения. Так, вклад концепции Алмонда и Вербы в развитие сравнительной политологии, а также ее содержательная критика открывает широкие возможности для развития, интерпретации и применения концепции, которая плотно вошла в политическую науку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алмонд Г., Верба С.** Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. Москва: Мысль, 2014.
2. **Борисенков А.А.** О политической культуре как способе политического бытия // *Философская мысль*. 2012. № 1.
3. **Гаман-Голутвина О.В.** Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2005. № 2.
4. **Далтон Р.Д.** Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999.
5. **Дука А.В.** Политическая культура – поиски теоретических оснований // *ПОЛИТЭКС*. 2006. № 1.
6. **Иглтон Т.** Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
7. **Парсонс Т.** О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002.
8. **Петро Н.Н.** О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // *Полис. Политические исследования*. 1998. № 1.
9. **Ритцер Дж.** Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
10. **Сетов Р.М.** Проблема стабильности политических систем в западной политической науке XX в.: бихевиоральный подход // *Вестник московского университета*. 2015. № 5.
11. **Формизано Р.** Понятие политической культуры // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. No 3.
12. **Collier D., Levitsky S.** Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*. 1997. № 49.
13. **Dittmer L.** Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // *World Politics*. XXIX. 1977.
14. **Gendzel G.** Political Culture: Genealogy of a Concept // *Journal of Interdisciplinary History*. 1997.
15. **Patterson S.C.** The Political Cultures of the American States // *Journal of Politics*. 1968. Vol. 30. N 1.
16. **Pye L.W.** Culture and political science: problems in the evaluation of the concept of political culture // *Social Science Quarterly*. 1972. № 2.
17. **Reisinger W.A.** The Renaissance of a Rubric: Political Culture as Concept and Theory // *J. of Public Opinion Research*. VII. 1995.
18. **Sartori G.** Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. 1970. № 4.
19. **Tucker R.C.** Culture, Political Culture, and Communist Society // *Political Science Quart.* 1973. № 10.
20. **Welch S.** *The Theory of Political Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

D.A. RAZINKOV

Postgraduate student of the Department
of Philosophy of Politics and Law of the Faculty
of Philosophy of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THE MAIN DIRECTIONS OF CRITICISM OF THE CONCEPT OF POLITICAL CULTURE

The concept of political culture was formed in post-war American political science and became the most important component of comparative political science. The concept has become popular not only as a theoretical framework for many scientific research projects, but also as an explanatory model for building one or another argument in an expert and layman's environment. At the same time, criticism of the concept of political culture has become a separate genre in comparative political science – its application has been compared to «nailing jelly to the wall,» criticizing the use of a cultural category to empirically measure a set of orientations, and accusing it of justifying American hegemony. The article will attempt to highlight and systematize the main criticisms.

Key words: history of political science, American political science, cultural studies, Cold War, behavioral approach, positivism, structural functionalism/political culture/criticism of political culture.